

Он был Жун Фэем, а не молодым господином Жуном.

Если кто-то продолжал смотреть на него глазами, привыкшими видеть молодого господина Жуна, это было предубеждением.

— Ну, сынок, поднимайся и повидайся с отцом, — сказала госпожа Жун, и её выражение лица стало серьёзным. — Если ты всё ещё хочешь носить фамилию Жун, не зли отца снова.

— Хм... — Жун Фэй почувствовал беспокойство. Жун Цзиньянь был известен в своей отрасли как человек, преданный своему делу, и это полностью контрастировало с репутацией его сына. Жун Фэй однажды видел по телевизору, как Жун Цзиньянь давал интервью журналистам, рассказывая о китайском кино, и это было очень профессионально и проникательно. В принципе, иметь такого отца должно было быть поводом для гордости, но Жун Фэй мог представить, что молодой господин Жун уже довёл этого отца до полного разочарования.

Госпожа Жун сопровождала Жун Фэя до двери кабинета Жун Цзиньяня, постучала, и изнутри раздался низкий голос.

— Войдите.

Жун Фэй оглянулся на госпожу Жун, но она покачала головой, давая понять, что не пойдёт с ним внутрь. Жун Фэю пришлось самому подъехать на инвалидной коляске к столу Жун Цзиньяня.

Кабинет оказался намного больше, чем Жун Фэй представлял, вдоль стен стояли книжные шкафы, заполненные книгами о кино и телевидении. В центре кабинета стоял тёмный письменный стол, за которым Жун Цзиньянь был погружён в изучение какого-то проекта. Даже когда Жун Фэй подъехал к нему, он не поднял головы.

— Папа, — спокойно произнёс Жун Фэй, не желая показаться неуверенным перед Жун Цзиньянем.

— Хм, — кивнул Жун Цзиньянь, но больше не сказал ни слова. Жун Фэй чувствовал, как его сердце бешено колотится, он не мог понять ничего из отношения Жун Цзиньяня и не был уверен, сможет ли он восстановить хоть какую-то надежду отца на сына.

Примерно через пять-шесть минут Жун Цзиньянь наконец отложил ручку и поднял голову, на его губах появилась улыбка.

— Сегодня ты, похоже, очень спокоен. Обычно ты либо вообще не приходил бы ко мне, либо сразу бы хлопнул дверью.

— Я слишком своенравен в прошлом...

Жун Фэй не успел закончить, как Жун Цзиньянь фыркнул.

— Мои уши не обманывают меня? Ты считаешь себя своенравным? Это Вэй Цысин научил тебя так говорить?

— Нет.

Ответ Жун Цзиньяня заставил Жун Фэя потерять дар речи.

— Я планирую отправить тебя учиться в Австралию. Там красивая природа, на улицах не так

много машин, как здесь, и даже если ты будешь пьяным за рулём, тебе будет сложнее кого-то сбить. Слова Жун Цзиньяня звучали то ли как сарказм, то ли как искренняя мысль. — Ты не хочешь играть в кино, не хочешь учиться на режиссёра или продюсера, ничего страшного... На этот раз ты можешь учиться чему угодно.

Жун Фэй застыл на месте. Жун Цзиньянь хотел отправить его туда, где он не будет его видеть, чтобы не раздражаться? Чтобы он перестал создавать негативные новости в развлекательной индустрии и позорить семью...

— ...Я не могу остаться в стране?

Прошло некоторое время, прежде чем Жун Фэй наконец задал этот вопрос.

— Какой смысл оставаться в стране? Переспать со всеми актрисами и актёрами из «Шэнши»? Или наслаждаться превосходством, когда все называют тебя молодым господином Жуном? Или ты боишься, что если ты нахулиганишь за границей, я не заплачу за тебя? — спросил Жун Цзиньянь, сложив руки и оперевшись на них головой.

— Я хочу стать актёром.

— Ты уже актёр, только неудачный. Ты уже своими действиями показал мне, что не хочешь быть актёром, и я это полностью понял. Заставлять тебя войти в актёрскую среду было ошибкой с моей стороны как отца, теперь ты можешь вернуться на свой жизненный путь. — В глазах Жун Цзиньяня читалось сомнение, любопытство и сожаление. Жун Фэй мог представить, насколько разочарован этот отец своим сыном.

Жун Фэй глубоко вздохнул, понимая, что никакие обещания или признания ошибок не изменят мнение Жун Цзиньяня о нём. Единственное, что он мог сделать, — это оставаться твёрдым.

— Я хочу быть актёром, — произнёс Жун Фэй, чётко выговаривая каждое слово.

Жун Цзиньянь не сказал ни слова, глядя на выражение лица Жун Фэя, он с силой надавил пальцами на виски.

— Я думаю, тебе больше подойдёт наслаждаться солнечными пляжами в Австралии.

— Вы только что сказали, что я могу вернуться на свой жизненный путь. И я говорю вам, что хочу быть актёром.

Жун Цзиньянь с сожалением улыбнулся.

— Ты хочешь быть актёром... Хорошо, но я должен тебе сказать, что я, Жун Цзиньянь, буду действовать по-деловому, и не потрачу на тебя ни копейки, если не увижу в этом смысла.

— Хорошо.

— На твоём счету 12 000, это твой гонорар за последний фильм. Кроме этих денег, которые ты сам заработал, все твои остальные средства и счета будут заморожены. — Жун Цзиньянь пристально смотрел в глаза Жун Фэю, словно пытаясь проникнуть в его душу.

— Хорошо.

12 000 — уже можно сделать многое.

— Как отец, я могу поддержать тебя только тем, что ты можешь приходить домой есть и спать, а Вэй Цзысин останется твоим агентом. Ты ещё чего-то хочешь?

— Нет, спасибо.

— Тогда на этом всё, мне ещё нужно изучить проект. — Жун Цзиньянь дал понять, что Жун Фэй может уйти.

Жун Фэй вышел из комнаты, и в тот момент он почувствовал и облегчение, и тяжесть.

Когда дверь закрылась, Жун Цзиньянь, который всё это время был погружён в изучение проекта, вдруг поднял голову, и на его губах появилась улыбка. Он тихо прошептал сам себе:

— Почему мне кажется... что эта решительность совсем не похожа на моего сына?

Жун Фэй вышел из кабинета, госпожа Жун всё ещё ждала у двери, выглядя очень напряжённой.

— Твой отец ничего не сказал? Он снова хочет отправить тебя туда, где я не смогу тебя видеть?

— Она говорила, и слёзы уже готовы были брызнуть из её глаз. Жун Фэй полностью понял значение фразы «слишком добрая мать портит ребёнка».

— Всё в порядке, — успокаивающе улыбнулся Жун Фэй. — Отец просто спросил, что я планирую делать, я сказал, что хочу продолжать быть актёром, и он согласился, сказал, чтобы я старался.

— Правда? — выражение лица госпожи Жун говорило о полном недоверии.

— Правда, — Жун Фэй улыбнулся и, опираясь на трость, поднялся с госпожой Жун наверх. Независимо от того, была ли эта женщина его матерью или нет, её забота о сыне была искренней, и это было то, о чём Жун Фэй мечтал, но больше не мог найти. Сколько бы времени Жун Фэй ни провёл в этом доме, он будет относиться к госпоже Жун как к матери.

Войдя в свою комнату, Жун Фэй был поражён. Эта спальня оказалась больше, чем квартира из двух комнат, которую он раньше снимал. В комнату вошла горничная, с тревогой на лице помогая Жун Фэю сесть на кровать.

— Молодой господин Жун, вам ещё что-нибудь нужно?

— Нет, спасибо, — Жун Фэй мягко улыбнулся, сейчас ему нужно было побыть в тишине и одиночестве.

Горничная немного удивилась и вышла.

Жун Фэй сидел там, медленно оглядывая комнату. Она была более упорядоченной, чем он ожидал, вероятно, её часто убирали. У стены стоял ряд книжных полок, Жун Фэй подпрыгнул на одной ноге, чтобы подойти к ним. Он никак не мог представить, что такой гуляка, как молодой господин Жун, вообще читал книги... Наверное, они были просто для декора.

И действительно, большинство книг были о поп-музыке и кино. Преобладали тяжёлый рок и рок-музыка, были фотоальбомы и альбомы рок-звёзд, видимо, молодой господин Жун был фанатом. Жун Фэй прислонился к шкафу, листая книги. Он думал, что кроме книг о рок-музыке, остальные были просто для украшения, но оказалось, что книги о съёмках

документальных фильмов явно были прочитаны много раз, и даже были сделаны заметки. Очевидно, молодой господин Жун никогда не хотел быть просто красивым актёром, а мечтал стать режиссёром документальных фильмов.

С точки зрения Жун Фэя, документальные фильмы, возможно, не были отраслью, которая угождала массовым вкусам, но Жун Цзиньянь должен был гордиться стремлением сына и поддерживать его. Почему же молодой господин Жун попал в актёрскую среду?

Закрыв книгу, Жун Фэй вздохнул.

Он не знал, была ли у молодого господина Жуна ещё возможность заняться съёмками документальных фильмов, и не знал, не покинет ли он вдруг это тело. Как сказал Вэй Цзысин, он мог только ценить настоящее.

В комнате зазвонил телефон, Жун Фэй подпрыгнул на одной ноге к кровати и поднял трубку.

— Алло?

— Ха-ха, молодой господин Жун! Слышал, ты выписался из больницы!

Жун Фэй инстинктивно ответил:

— Скажите, кто это?

— Кто это? Неужели за несколько дней ты забыл, кто я? Не притворяйся!

Голос звучал очень знакомо, с лёгким оттенком легкомысленности.

— Это Лун Чжаньюнь!

— Лун Чжаньюнь?

<http://bllate.org/book/16664/1527655>